

**ВЗГЛЯД НА НЫНЕШНЕЕ СОСТОЯНИЕ
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ**

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ ¹

В царствование императриц Анны и Елизаветы Европа стала свидетельницей рождения изящной словесности и поэзии у нации, которая и сама-то, можно сказать, недавно еще народилась на свет. Несколько лет спустя многие писатели, пораженные гигантскими шагами, коими древняя царская империя продвигалась по пути просвещения, принялись, не долго думая, сравнивать первые опыты русских муз с шедеврами, написанными на языке Расинов и Вольтеров. Историк Левек, не колеблясь, ставит Сумарокова рядом с Лафонтеном ², считавшимся неподражаемым, и который, уж во всяком случае, вполне заслужил славу поэта, не имевшего себе доселе равных.

Ныне от подобных преувеличенных похвал, столь пагубных для прогресса искусства, уже отступились. Исчезли наши Virgili, Цицероны, Горации. Их имена сопря-

гаются с именами почтенной древности только еще в скверных школьных руководствах. Литераторы наши стали высказывать здравые суждения. Г-н Мерзляков первый доказал, что г-н Херасков, писатель, впрочем, весьма достойный, менее всего является вторым Гомером³ и самая лучшая из его поэм не выдерживает сравнения даже с «Генриадой»⁴. В подобный момент не бесполезно бросить беглый взгляд на нынешнее состояние русской словесности и дать об оном представление иностранным читателям. Мы ограничимся здесь поэзией: не так давно она претерпела некий переворот, на который стоило бы обратить внимание литературного мира.

Несмотря на попытки Радищева, Нарезного и некоторых других, попытки, кои со временем, быть может, еще будут оценены, вплоть до начала XIX столетия существовала в нашей поэзии литературная школа, которая целиком основывалась на правилах французской литературы. Стихами здесь почитали лишь те, что имеют рифму; не признавали иных образцов, кроме тех, кои в качестве оных допускает Лагарп; упорно не желали замечать существования великих поэтов у немцев и англичан. Тиранство суждений сей школы до того доходило, что никто почти не решался писать стихи иным размером, кроме ямбического⁵.

В 1802 году г-н Востоков опубликовал свои «Опыты лирической поэзии», которые поразили и, можно сказать, озадачили публику. В сборнике этом несколько Горациевых од переведены были строфою подлинника; пользовался он также сапфической стопой, алкеевым⁶ и элегическим стихом; он восторженно отзывался о немецкой литературе; все это были предметы, доселе у нас неизвестные и к коим относились с пренебрежением.

Но вскоре — этого уже невозможно не заметить — появилось два человека, которые стараются претворить в жизнь то, что у Востокова было всего лишь еще попыткой. Гнедич ввел у нас героический стих древних. Сие новшество сделает его «Илиаду» достопамятной эпохой в истории нашей словесности и будет являть собой победу хорошего вкуса над предубеждением и ложными понятиями. С другой стороны, Жуковский не только преобразует внешнюю форму нашей поэзии, но и меняет саму природу ее. Взяв себе за образец великих гениев, которые за последнее время прославили Германию, он, пользуясь выражением одно-

ГО ИЗ МОЛОДЫХ НАШИХ ПРИТОВ, СООБЩИЛ РУССКОМУ ЯЗЫКУ
некий германический дух⁷, весьма родственный нацио-
нальному нашему духу, столь же, как и он, независимому
и свободному.

Вильгельм Карлович Кюхельбекер (1797—1846) — поэт, драматург, переводчик, критик и теоретик литературы и искусства. Учился в Царскосельском лицее, где сблизился с Пушкиным, с которым его навсегда связала тесная дружба. С 1819 года сотрудник, а с 1820 года действительный член Вольного общества любителей российской словесности. Первые стихи Кюхельбекер опубликовал в 1815 году, а с 1817-го стал выступать и как критик. Уже первая его статья привлекла к себе внимание остротой и независимостью суждений и вызвала полемику. Кюхельбекер был одним из издателей журнала «Невский зритель», где напечатал обширный обзор «Взгляд на текущую словесность». Однако его сотрудничество в этом журнале было прервано длительным заграничным путешествием, в которое он направился в качестве секретаря обер-гофмаршала А. Л. Нарышкина. Кюхельбекер посетил Германию, Италию, Францию. Впечатления от этой поездки отразились в большом цикле статей и набросков, известном под названием «Европейские письма». Уже в 1820 году «Европейские письма» стали появляться в русской печати — в «Соревнователе просвещения и благотворения» и в «Невском зрителе», публиковались они позднее и в «Мнемозине».

В 1821 году Кюхельбекер выступил в Париже с лекциями о русском языке и литературе, в которых ясно отразились существенные стороны идеологии дворянских революционеров. Политическая острота

выступлений Кюхельбекера привела к тому, что его поездка по Европе была прервана, и он вернулся на родину. Вместе с В. Ф. Одоевским Кюхельбекер издавал альманах «Мнемозина». Незадолго до 14 декабря 1825 года он был принят в Северное общество и активно участвовал в восстании на Сенатской площади, заключен в крепость, а позднее выслан в Сибирь. Однако и там Кюхельбекер не оставил творчества. Среди его произведений 1830-х годов — статья «Поэзия и проза».

Большой чахоткой, ослепший, Кюхельбекер умер в Тобольске. Перед смертью он успел составить план собрания своих произведений, особый раздел которого был озаглавлен: «Критика и эстетика». Однако статьи, предназначавшиеся Кюхельбекером для этого раздела, далеко не исчерпывают сделанного их автором в названной области. Много ценных мыслей и важных наблюдений воплощены в предисловиях к отдельным изданиям произведений Кюхельбекера («Шекспировы духи», «Ижорский») и особенно в его «Дневнике».

Литературно-критическое наследие Кюхельбекера, представляющее значительный интерес для современного читателя, ни разу не было собрано. Работы, включенные в данный сборник, кроме статьи «О направлении нашей поэзии...», не перепечатывались полностью со времени своего первого выхода в свет.

ВЗГЛЯД НА НЫНЕШНЕЕ СОСТОЯНИЕ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Впервые — «Le Conservateur impartial», 1817, № 66, 25 (IX) (7.X), р. 380. Авторство Кюхельбекера устанавливается по его дневниковой записи от 7 ноября 1832 года. (См.: В. К. К ю х е л ь б е к е р. Дневник. Л., «Прибой», 1929, 79). Перевод статьи был опубликован в «Вестнике Европы» (1817, № 17—18). Так как этот старый перевод не вполне удовлетворяет современным требованиям, для данного издания статья переведена А. Л. Андрес.

¹ Статья опубликована с пометкой: «Article I-er communiqué» («Статья I-я, сообщено»): «сообщено» — принятая тогда форма подзаголовка, который применялся преимущественно при публикации анонимных материалов. Указание же, что эта статья первая, давало основание думать, что последует ее продолжение. «Вестник Европы», помещая перевод статьи, писал: «По-видимому, это еще только начало» (с. 154). Однако мнения современников о том, была ли публикуемая статья Кюхельбекера его единственным выступлением в «Le Conservateur impartial», расходятся. Н. И. Колюпанов считал Кюхельбекера также автором статьи о Батюшкове «Essais en vers et en prose, par Mr. de Batuschkoff» (№ 83) (см.: Н. И. К о л ю п а н о в. Биография

А. И. Кошелева, т. I, кн. 2. М., 1889, с. 24), которая как бы и являлась статьей второй. С другой стороны, Н. И. Тургенев в письме к С. И. Тургеневу приписывал авторство статьи о Батюшкове С. С. Уварову («Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1936, с. 235. См. также: «Русская литература», 1966, № 4, с. 145—149). М. К. Азадовский (см. его сообщение: «Последняя статья Кюхельбекера». — ЛН, т. 59, с. 547) и другие советские исследователи считают точку зрения Н. И. Колюпанова достаточно убедительной. Поскольку, однако, бесспорных оснований считать статью о Батюшкове принадлежащей Кюхельбекеру не существует, она публикуется в примечаниях, также в переводе А. Л. Андрес.

«Опыты в стихах и прозе» г-на Батюшкова

В литературе, как и в политике, поколения следуют одно за другим, но не походят друг на друга. Истина эта особенно верна в отношении тех наций, что не успели еще обрести ни устойчивости, ни косности. Непрерывающееся движение идей беспрестанно рождает новые следствия, и развитие сие происходит иной раз столь стремительно, что люди, коим исполнилось тридцать, в беседе с шестидесятилетними словно бы говорят уже на другом языке и принадлежат другой стране.

Эти внезапные изменения, не имеющие ничего общего с *безграничным совершенствованием*, проявляются день ото дня все отчетливее в нашей литературе. Если литературной школой следует называть некоторое число писателей одного поколения, руководствующихся одними и теми же теориями, впитавших в себя одни и те же истины, стремящихся к одной и той же цели, пусть и различными средствами, и все, как один, проникнутых сознанием необходимости сплотиться вокруг одних и тех же принципов, если таково, повторяю, необходимое условие существования литературной школы, приходится признать, что ныне у нас по меньшей мере таких школы две. Мы отнюдь не собираемся сравнивать их между собой; в подобном сопоставлении почти всегда есть что-то ложное и часто тягостное; ибо в литературе, как и в политике, все, что приходит в свое время, есть благо, а старая школа (если, конечно, дозволено объединить под одним названием князя Кантемира и Ломоносова) дала нам мужей, чьим уделом давно уже стало бессмертие. С воцарением императора Александра новая эра началась для России даже в литературе; и это-то и составляет особенность той новой литературной школы, которую мы попытаемся подвергнуть разбору, рассматривая произведения одного из ярких ее столпов.

Среди современного поколения поэтов в первом ряду, без сомнения, находится г-н Жуковский. Даже враги его, — было бы прискорбно, если б у него их не было, — и те, кажется, уже не оспаривают у него места первого поэта. Певец 1812 года — любимец своего народа. Победа осталась за ним, успех его неоспорим: признавая все превосходство его дарования и неотъемлемое его право на первое место, любители литературы затрудняются определить, какое же место следует отнести г-ну Батюшкову, о коем можно сказать: *post secundus sed alter* (не второй, но другой; л а т.), поэтический дар его, который в некоторых отношениях отнюдь не ниже таланта г-на Жуковского, слишком отличается от последнего, чтобы можно было говорить о влиянии; общим для обоих является превосходное чувство красот языка, блистательное воображение, отменная гармоничность стиха; однако каждый из них избрал себе собственный путь, непохожий на другого. Г-н Жуковский, воспитавшийся на чтении английских и немецких поэтов, воссоздал у нас художническую манеру Скотта, лорда Байрона и Гете; г-н Батюшков, страстный поклонник поэзий итальянской и французской, охотно подражает *molle facetum* (легкой шутивости; л а т.), характерной для одной, и прельстительной грациозности, столь присущей другой. Первому свойственны одушевление и порыв, у второго больше изящества и завершенности, один легче дерзает, другой ни в чем не знает случайности; этот поэт северный; тот поэт юга. Краски у г-на Жуковского сильные и выразительные, поэзия его искрится образами, глубокая, искренняя чувствительность проникает все произведения его. Г-н Батюшков более ровен, более сдержан, в вольностях он более осмотрителен; у него изощренный вкус; он скорее эротичен, нежели влюблен, скорее страстен, нежели чувствителен; с одинаковым успехом подражает он и Тибулу и Парни. Среди пиес, входящих во второй том его сочинений, особенно обращают на себя внимание несколько элегий, в коих подражает он Тибулу, два или три прелестных подражания Парни, перевод битвы Гомера и Гессииода г-на Мильвуа, несколько дружеских посланий, сказка, где охоте странствовать по свету противопоставляются прелести домоседства; наконец, элегия, озаглавленная «Умиравший Тасс», которую можно рассматривать как истинный его шедевр. В самом деле, мало найдется сюжетов, которые способны были бы так много сказать воображению. — Капитолий, где все готово уже для торжества, улицы, усыпанные цветами, святой отец, готовящийся увенчать лаврами того, кто воспел Готфрида и воздать наконец поэту за незаслуженные гонения, коими преследовал его жестокий рок; и среди всего этого — Тасс на смертном одре, тщетно молящий судьбу на один только день продлить ему жизнь, Тасс, умирающий в момент своего апофеоза и испускающий последний вздох, повторяя дорогое ему имя Элеоноры. Поистине, г-н Батюшков оказался достойным

своего сюжета. Произведение это отличается богатством экспрессии, особой живостью красок, бездной вкуса и чувствительности. Читая сию пиесу, порой кажется, будто она исходит из себя самый дух Италии. Знатоки восхищаются ею и отныне неустанно будут предлагать ее в качестве образца тем из молодых наших поэтов, которые стремятся к большему, нежели складывать между собой слоги и набум нанизывать рифмы.

Изданием стихотворений г-на Батюшкова отечественной литературе оказана большая услуга. Здесь мы рассматривали его только как поэта, но и в прозе пишет он изящно и приятно. Первый том включает в себя прозу, второй — стихи.

² П. Левек — французский историк, автор книги «История России». В ней, в частности, высказана следующая мысль: «Всегда изящный, он (Сумароков) подвизался во всех жанрах. Если в трагедии он не стоит наравне с Расином, ошибкам которого уж очень подражал, если он уступает Мольеру в комедии и Буало в сатире, в литературе всех времен и народов можно противопоставить его басням только басни Лафонтена» (P. Levesque. Histoire de Russie, t. 5. Hamburg et Brunswick, 1800, p. 148—149. Перев. М. Г. Альтшуллера).

³ Об этом идет речь в статье А. Ф. Мерзлякова «Россияда. Письма к другу», публиковавшейся в журнале «Амфион» в 1815 г.

⁴ «Генриада» — поэма Вольтера.

⁵ Это место статьи вызвало нападки А. Ф. Мерзлякова (см. его «Письмо из Сибири», напечатанное под псевдонимом «Неизвестный» в журнале «Труды общества любителей российской словесности», 1818, ч. XI, с. 52—70).

⁶ Четырехстрочная строфа, выработанная древнегреческим поэтом Алкеем.

⁷ Современники не знали, кто *молодой пиит*, о котором говорится в статье. См.: В. С(оц)ъ. Нечто против статьи под названием «Взгляд на нынешнее состояние русской словесности» («Вестник Европы», 1817, № 23-24, ч. 96, с. 202). Скорее всего имеется в виду Дельвиг, еще в лице увлекавшийся как Жуковским, так и немецкими поэтами: Клопштоком, Шиллером, Гельти (см. об этом в статье Пушкина «Дельвиг», т. 11, с. 273). Мысль, упоминаемая Кюхельбекером, была, по-видимому, высказана устно.